

Иннокентий Соколов

Сменщик

Говорят в Колорадо множество прекрасных курортных отелей. Как знать, быть может, среди них найдется хотя бы один такой, что не вполне соответствует вышеуказанной категории...

1970 год

Холеная рука в лайковой перчатке жеманно и вместе с тем нетерпеливо ударила по колокольчику. Затем еще раз. Над стойкой администратора раздалось требовательное «Динь-диньк», и на мгновение словно зависло в воздухе, насыщаясь праздничной атмосферой отеля. Высокий широкоплечий мужчина уверенным шагом пересек холл, приближаясь к стойке. На его груди красовалась небольшая табличка с аккуратно выведенной надписью «Делберт А. Грейди - смотритель».

Тут же словно соревнуясь в скорости, невесть откуда вынырнул рассыпанный, и деловито захолопотал возле огромных чемоданов, пытаясь пристроить багаж на тележку. Грейди нахмурился, и тут же, ослепительно улыбнулся, приветствуя посетительницу в дорогой шубе.

Дама надменно пожала плечами, словно пытаясь сообщить, что все эти штучки не для нее, но впрочем, сменила гнев на милость, окинув взглядом, дорогой фирменный пиджак управляющего, под которым угадывалась крепкая ладная фигура.

(А этот сукин сын вполне ничего...)

Чтобы уловить ход ее мыслей, не нужно было обладать сверхъестественными способностями – она вся буквально испускала волны звериной похоти, и горе тому простаку, что соблазнится блеском бриллиантов и переливами меха – Грейди отчетливо представил себе картину соблазнения, отчего тут же захотелось убраться отсюда подобру-поздорову.

(Старая, развратная тварь, с обвисшими грудями – даже не думай об этом, держись-ка от меня подальше...)

Делберт фальшиво улыбнулся, обнажив белоснежные зубы (полный социальный пакет, включая медицинскую страховку, абонемент в гольф-клубе и представительские расходы – все, что только может позволить себе смотритель отеля), и чуть оттеснил даму от пустой стойки, пытаясь отвлечь внимание.

- Делберт Грейди, к вашим услугам, мэ... - чуть ли не пропел он, пытаясь сообразить, где же черт его раздери, прохлаждается администратор, в то время как другие вынуждены выполнять чужую работу, и осекся, рассмотрев лицо посетительницы.

На вид ей было лет сто, не меньше. Острый крючковатый старушечий нос, обвисшие щеки. Золотые коронки хищно поблескивали из полураскрытого рта. Старуха быстро облизала пересохшие губы, и Грейди невольно вздрогнул, заметив синюшный, с прожилками вен язык.

(Что за чертовщина, парень?)

И вместе с тем, в запавших глазах плескались огоньки безутешного веселья, словно обладательница дорогой шубы знала о чем-то таком, о чем знать ей совсем не положено, и собиралась поделиться этим нелегким знанием с каждым, кто подвернется под руку. Например, с Грейди.

Она обвела влажным взглядом холл, и впалые ноздри затрепетали, ощутив дыхание праздника.

За окнами лютовала зима, засыпая белыми хлопьями округу, отчего фигуры зверей поджидающих вдоль тропинки, ведущей на площадку для игры в «Роке», превратились в огромных снежных чудовищ, а сама тропинка скрылась под толстым, сверкающим мириадами звезд одеялом, но здесь, внутри все было пропитано безудержным весельем.

Отель «Оверлук» принимал гостей!

У самого входа, разместился огромный плакат. Его небрежно прислонили к колонне, словно бы по недоразумению забыв приколотить снаружи, чтобы любой мог узнать о том, что:

«В последнюю ночь года состоится костюмированный бал. В меню: зажигательные танцы, горячие мексиканские девчонки и текилла-ринг. Праздничный салют в последнюю минуту уходящего года! Волшебная ночь в баре «Колорадо» - кокаин-шоу!! Русская рулетка без проигравших!!! Маски снимаются в полночь».

Сверху светились огромные цифры: «1970». Они переливались тысячей огней, словно приглашая присоединиться к празднику.

Из вестибюля дохнуло горячим воздухом, - кто-то распахнул двери бара. Грейди отчетливо услышал доносящиеся крики веселящихся гостей.

- Похоже ждут только вас, мэ... - Делберт почтительно склонил голову, приглашая старуху последовать за ним.

- Несомненно, Берги! – Нежно проворковала та, и вцепилась в его плечо левой рукой, свободная правая повисла. Старуха прижалась плотнее, отчего Делберт на миг ощутил в промежности легкое касание пальцев.

Грейди передернуло. Они шли по вестибюлю, и все время ночная гостья не умолкала ни на минуту. Она щебетала, и Делберт ощущал капли слюны, что вырывались из ее пасти. Она шептала на ухо, обдавая зловонным дыханием – растрескавшиеся губы шевелились, изрыгая непристойности. Старая сука повисла на нем, как бы невзначай прикасаясь к бедрам и ягодицам свободной рукой. Вестибюль показался бесконечным, длиной с вечность – Грейди вел старуху, заметно прихрамывая. Нога опять разболелась, да так, что еще немного, и они растянутся на холодном (черт возьми, почему?) полу, и уж тогда-то старая леди возьмет свое, даже не сомневайся, приятель, будет тянуться ручками-веточками, обдирая лайку, и синюшный язык оставит на твоём лице дорожку липкой слюны. Она задушит в объятиях, вопьется обжигающим поцелуем (подумать только – ее омерзительный язычок обследует каждую трещинку на эмали твоих зубов), и если решишься заняться любовью со старой потаскухой (если действительно решишься!) - это будет последнее, что ты сделаешь, все еще находясь на этом месте.

(За место пришлось побороться, не так ли?)

А потом придет сменщик, и все что ты делал, для того, чтобы выбраться из дерьма, окажется напрасным. Вот так, приятель!

Грейди сжал губы, задавив тихий стон. Они не поступят с ним так!

Только не этой ночью.

(Этой волшебной ночью...)

Он, Делберт Грейди, - смотритель отеля, сделает все возможное, чтобы так было и впредь.

Ночь искрилась великолепием гирлянд, дешевой позолотой конфетти, извивалась блестящими змейками серпантина, а еще она говорила с ним – шепотом безумной старухи, выстрелами откупориваемых бутылок шампанского, звоном бокалов, грохотом барабанов и завыванием труб.

Ночь звала его, обещая многое, и Грейди невольно ускорил шаг, приближаясь к цели.

Там, в конце вестибюля, в дальнем углу столовой, над двухстворчатой дверью, так похожей на крылья летучей мыши, сверкала полукругом вывеска: «Бар Колорадо». Прямо под ней, какой-то шутник прилепил аккуратно содранную этикетку из-под виски, наверняка пытаясь сообщить важную новость: - хей, приятель, только сегодня и только здесь, каждая пятая рюмка, за счет заведения!

Грейди прикусил нижнюю губу. Сейчас он не отказался бы от порции виски, черт раздери!

Он подвел старуху к двери, и та с неохотой оторвалась от зрителя. Делберт толкнул дверь, и на мгновение оглох.

Веселье, что струилось изо всех щелей, в мгновение ока обдало его, словно по огромной глубокой луже пронесся сверкающий Кадиллак, оно хлынуло оглушительной волной, и накрыло с головой.

Бар был полон. Ни одна из кабинок для гостей не осталась пустой. Мужчины в дорогих смокингах и женщины в роскошных вечерних платьях, они смотрели на него жадными взглядами из прорезей маскарадных масок, следили за каждым движением, словно от Грейди зависело нечто важное, возможно именно то, о чем собиралась рассказать, но так и не успела, старая леди, в дорогой шубе.

На эстраде гремел джаз – вульгарный, разнузданный, агрессивный. Эта ночь казалась пропитанной им. Джаз и запах виски, который витал над разодетой публикой, смешиваясь с ароматом дорогих сигар – неперенные спутники праздничной ночи. Последней ночи уходящего года.

Делберт остановился у входа, не зная, что делать дальше. Спутница Грейди пришла на помощь – она потащила его к стойке, вдоль которой стояли высокие табуретки, обтянутые кожей. Числом сорок.

Они разместились между холеной красавицей в блестящем серебром платье до пят, что обтягивало фигуру, оставляя открытым верх (Грейди успел рассмотреть родинку на предплечье), и мужчиной в костюме волка из мультфильмов.

Старуха ухватила Делберта за руку, словно боясь, что тот сейчас встанет и оставит ее одну, среди искрящегося веселья. Впрочем, никому не было до них дела. Музыканты на эстраде выдували джаз, свет огромной люстры отражался от блестящих медных труб, перебегал по многочисленным изгибам орущего саксофона, и рассеивался в блестящих бриллиантах темнокожей певицы с огромным бюстом. Казалось еще немного, и разорвется тонкая ткань прошитой золотом блузки, чтобы явить взглядам восхищенной публики тяжелые груди.

Грейди уместился на табурет, позабыв обо всем. Его затягивало в омут разнузданного веселья, и он был готов присоединиться ко всем тем, кто решил этой ночью оторваться на полную.

Неслышной тенью возник бармен. На табличке, прикрепленной к бардовому костюму, Грейди прочитал его имя.

- Здорово Ллойд! – поздоровался Делберт.

Ллойд склонил голову, приветствуя нового посетителя. Он бросил короткий взгляд на спутницу Грейди, и мимолетная улыбка тронула тонкие бескровные губы.

Делберт сделал вид, что ничего не заметил. Он не имеет никакого отношения к старой ведьме, и пускай она проваливает ко всем чертям. Он, Грейди, заскочил сюда на минутку, чтобы лично убедиться, что все в порядке. В конце концов, это его обязанность, как смотрителя отеля.

- Что будете пить? – бесцветным голосом поинтересовался Ллойд. В его глазах легко можно было заметить легкую тень презрения.

Грейди сжал кулаки, чувствуя, как переполняется яростью. Холодной как снег за окном.

- Я на работе, парень! – отчеканил он, и приподнялся было, чтоб встать.

Музыка стихла, и Делберт крутанулся на табурете, чтобы посмотреть в чем (черт возьми!) дело. Веселящаяся публика умолкла, и Грейди уловил легкий ропот в кабинках.

- Ну-ну, приятель. Не следует быть таким категоричным!

Мужчина в костюме волка неодобрительно качнул головой, отчего на миг сверкнули желтым пластмассовые глазопуговицы. Маска искажала голос, но и без того, он показался странно знакомым.

Человек-волк, стянул маску, и Грейди, не веря глазам, увидел, что рядом с ним лакает мартини никто иной, как мистер Уллман. Большой босс. Старый-сукин-сын Уллман.

Росту в Уллмане было пять футов пять дюймов, и двигаясь, он обнаруживал ту суетливую быстроту, что присуща подобным толстячкам. Но сейчас его движения были замедленны, словно полный бокал мартини, что стоял перед ним на стойке, был отнюдь не первым.

- Мистер Уллман... - пробормотал Делберт, чувствуя себя застигнутым врасплох.

- Стюарт. Просто Стюарт – мягко ответил Уллман.

Он сделал знак, и за спиной Грейди бармен со стуком поставил на стойку высокую бутылку с темно-коричневой наклейкой.

Делберт повернулся на стук. На этикетке красовались зеленоватые буквы. Они запрыгали в глазах и сложились в причудливое название: «Алекс Грейди».

(Лучшее виски в этом году...)

Ллойд без звука наполнил бокал доверху.

Рот Грейди вмиг наполнился слюной. Он сглотнул.

Гости одобительно зашептали. Музыканты переглянулись, и один из них, седой как лунь, дунул в трубу, издав короткий пронзительный звук.

(Давай, малыш. Не заставляй всех ждать!)

Грейди осторожно протянул руку, словно доверху наполненный бокал в любой момент мог укусить, оттяпав фаланги пальцев. Он взял бокал и искоса взглянул на Уллмана. Старуха, что сидела справа, уже успела перебраться к тому на колени, и Уллман обняв ее, насмешливо смотрел на Грейди, как бы невзначай опустив руку за отворот шубы.

Делберт залпом выпил, и в тот же миг музыка грянула с новой силой. Веселье вновь вернулось в стены отеля, закружило конфетти, забросало серпантином, завывло обжигающим ритмом румбы.

Ночь бесновалась, разбрасывая искрами безумия, и Делберт Грейди, зритель отеля тонул в этом безумии, погружаясь на самое дно.

Ллойд наполнил опустевший бокал.

Уллман сверкнул поросячьими глазками, приглашая присоединиться к всеобщему буйству жизни, не стоять в стороне, плясая в пустое зеркало за стойкой, которого на самом деле никогда там не было, а если бы и было – что можно увидеть в нем? Пустые кабинки, что тускло отсвечивают полинявшим бархатом в полутемном помещении бара? Нет, парень, ты не из тех, кто будет копать в себе, пытаешься извлечь на свет божий пылинку смысла, о нет!

Грейди лихо опрокинул бокал, искоса поймав одобряющий взгляд начальника. Серая шерсть на костюме свалась, и потеряла первоначальный цвет, но, имея воображение, можно было представить Стюарта Уллмана большим добродушным волком, что сыто почесывает брюхо, развалился в стареньком домике, в котором незадолго до этого радовалась жизни бабушка, поджидая любимую внучку.

Делберт подавил смешок.

- Ллойд, похоже, дела движутся в нужном направлении!

Ллойд кивком выразил полное согласие с Грейди. Он протянул руку, и тонкая струя полилась из горлышка, вновь наполняя бокал. Грейди вцепился в него, как будто держал в руке собственную душу. Нежно и в то же время сильно, чтобы не дай бог не расплескать содержимое.

Он в одно мгновение опустошил бокал, ощутив ускользящий вкус хорошего виски.

«Алекс Грейди» - мать его так. Напиток богов.

И пока Ллойд колдовал над стойкой, Грейди обернулся, рассматривая помещение бара.

Румба сменилась холодным декабрьским блюзом. Мужчины в смокингах приглашали дам. Танцующие пары не обращали внимания на остальных, двигаясь плавно, и вместе с тем упруго, словно ожидая, что сейчас, вот прямо сейчас, последняя блюзовая нота, задрожит в плотном воздухе бара, развеется без следа, унесясь под высокий потолок, и грянет безумная самба, и можно будет сбросить надоевшие платья, и извиваться нагишом, демонстрируя прелести прекрасных тел, прижимаясь к оторопевшим партнерам в масках. Грейди был бы не прочь увидеть это, но сначала...

Бокал был полон живительной влагой, и Грейди не собирался сидеть без дела. Он отпил из бокала, затем еще и еще...

В свои восемь лет, Бетти уже успела понять многое. Мир устроен вовсе не так, как рассказывают большие цветные книжки. На самом деле он куда проще, и хуже...

Этот отель казался сосредоточием зла. Он вобрал в себя все самое низкое, что только есть. Бетти слышала его – тысячей голосов, что врываются в уши настойчивым грохотом.

Проходя по коридорам, она различала звуки, доносящиеся из закрытых номеров. На самом деле, и Бетти отчетливо осознавала это, в комнатах никого не было, и быть не могло. Этой зимой, единственными посетителями «Оверлука» были отец с мамой, да она с младшей сестричкой.

Отец – это слово, было, пожалуй, самым главным с создавшейся ситуации. Голоса не преминули сообщить о том, что происходит с ним.

Бетти не знала что такое «кабинная лихорадка», но будь она немного постарше, без труда бы уяснила суть этого термина. Просто они слишком долго находились в месте, где лучше не оставаться вчетвером, тем более, взаперти от остального мира. Отсюда некуда было бежать.

В последние дни, отец ходил сам не свой, и Бетти знала, - когда он в таком состоянии, лучше его не трогать. Мама, казалось, не замечала происходящего. Она замкнулась в себе, находя удовольствие в том, что с самого утра и до ночи раскладывала пасьянс, не обращая внимания ни на что вокруг.

Бетти приходилось придумывать себе развлечения, чтобы хоть как-то не одичать в этом однообразном мире длинных коридоров и запертых дверей. В неполные восемь, не так-то легко думать о том, что будет впереди, но Бетти, похоже, справлялась с этим. Тем более думать приходилось за двоих.

Роуз послушно следовала за ней, словно хвостик, и Бетти умудрялась придумывать различные игры, чтобы развлечь сестренку.

Отель был плохим, без сомнения. Хватка у старика была еще та, мало того, у него были свои планы, насчет их всех.

Голоса рассказывали о том, что иногда происходило с маленькими девочками в номерах, за плотно запертыми дверьми. От их рассказов хотелось закрыть уши, чтобы не слышать, но они все равно прорывались омерзительным шипением, словно находя особое удовольствие в том, чтобы пугать ее.

(О, эти маленькие потаскушки, подумать только – иногда они брыкаются, извиваются, и даже царапаются, пытаясь вырваться из сильных мужских рук, хе-хе...)

Иногда, не очень часто, отель показывал страшные картинки. Все то, о чем шептались голоса, находило свое отображение в пастельных и красных тонах. Женщина в ванной, в номере на втором этаже, кровь и осколки черепной кости в президентском номере, и множество других, не менее омерзительных картинок, словно на выставке сбрендившего художника, что решил раскрасить буйством кровавых красок ни в чем не повинные полотна.

И это было еще не все. Бетти не чувствовала, знала – «Оверлук» сделает все возможное, чтобы прибрать их к рукам. Зачем это ему нужно, оставалось загадкой, но Бетти собиралась помешать отелю.

(Сделать все от нее зависящее!)

В ее возрасте не так-то легко принимать решения и совершать поступки, куда проще играть в коридорах отеля, делая вид, что ничего не происходит, но про себя Бетти давно решила положить конец всей этой мерзости.

Более того, она уже сделала первый шаг.

Спички она стянула на кухне. Улучила момент, и тонкая коробочка с надписью «Колорадо» на фоне скалистых гор, оказалась у нее в руках. Уже выходя из кухни, она столкнулась с отцом.

- Как поживает маленькая принцесса? – Промурлыкал Делберт, но его глаза были похожи на две маленьких льдинки.

- Просто отлично папочка. – Вежливо ответила Бетти, стараясь не отводить взгляда, чтобы отец ни о чем не догадался.

Он прошел мимо, тяжело ступая, словно разом постарел на добрый десяток лет. Бетти смотрела на его спину, и внезапно все поняла.

Это отель забирает у него душу. Не спеша, капля за каплей, смакуя, наслаждаясь причудливым букетом мыслей и чувств, растягивая удовольствие!

Отель плохой, очень плохой!!!

(Очень своевременная мысль, детка...)

- Ма, мы поиграем с Роузи? – Мелоди вытерла лоб рукавом халата, и безучастно кивнула. Похоже «Оверлук» тянул свои ненасытные лапы не только к отцу.

Они выбежали в вестибюль, два маленьких ангела в почти одинаковых платьицах. Заводила Бетти и маленький пороссячий хвостик Роуз.

До вечера они играли вдвоем, пока не пришло время долгих снов. Девочки выкупались в старомодной ванне на подставках в виде звериных лап (отелю вообще была присуща дешевая показная роскошь, граничащая с дурным вкусом), затем мама по очереди вытерла их огромным полотенцем.

Потом они нырнули в холодную кровать, накрылись с головой, пытаясь согреться дыханием.

Ближе к полуночи, Бетти раскрыла глаза, уставившись в потолок, на котором луна оставила причудливые тени. Вот черная лошадь обгоняет черного же зайца, а за ними плетется песочный человек, что-то сжимая в руке.

Она растолкала спящую сестренку. Роуз сначала сонно ворочалась, не решаясь обратиться из царства королевы-Дремы, затем забормотала пухлыми ото сна губами, и только когда сестра зашепотала ее, открыла васильковые глаза.

- Сейчас Роузи мы поиграем в одну интересную игру! – Бет наклонилась и теперь шептала на ухо младшей сестре, обдавая запахом ванили от горячего шоколада, который был выпит незадолго до этого. – Только тихо.

Она шептала, и Роуз сначала хлопала ресницами, пытаясь сообразить, чего хочет от нее неугомонная сестричка, и по мере того, как до нее доходил смысл сказанного, ее лицо становилось все более осмысленным.

Они осторожно выбрались из-под толстого пухового одеяла, и стараясь поменьше шуметь, оделись. Бет помогла сестре застегнуть пуговицы платья (не самая лучшая одежда для ночных игр), и замерла, вслушиваясь в ночь.

Возможно, ей показалось, но в отеле они были не одни. Где-то играла музыка, хлопали дверцы лифта, и комнаты наводнили голоса многочисленных постояльцев.

Затем все стихло.

Нужно остановить этот отель, во что бы то ни стало.

(Даже не думай об этом, дрянная, дрянная, дрянная девчонка!)

Бетти вздрогнула – голос отеля раздался в голове, пугая своей отчетливостью. Холодный мертвый голос – на самом деле «Оверлук» и раньше разговаривал с ними – звоном колокольчика на стойке, свистом сквозняка в холодных коридорах, хлопанием ставней, гуденьем лифта, но только сейчас он явил свою звериную сущность, развеял все иллюзии насчет истинных целей.

- Посмотрим! – упрямо пробормотала Бет.

Они тайком вышли из комнаты, на цыпочках прокрались в холл.

Сразу же за стойкой администратора (поначалу Бетти нравилось играть в хозяйку отеля, принимая невидимых посетителей, вот только игра эта быстро ей наскучила), на продолговатом стенде, висели ключи от номеров. Ключ, который был нужен ей, находился в нижнем ряду, и несколько отличался от своих собратьев.

Универсальный ключ позволял открыть любой номер, и иногда, когда не видели родители, девочки пробирались в шикарные апартаменты на четвертом этаже. До тех пор, пока не навестили президентский номер. Фамилии Никсон и Рузвельт мало о чем говорили Бетти, куда больше ясности было в том, что предстало перед глазами – стена над кроватью была испачкана кровью и частичками мозга. Кто-то постарался, придать особую пикантность своеобразной картине, не поскупились на сочные, яркие краски, умелыми мазками нанес на дорогие шелковые обои продолговатые линии смерти, а затем покрыл все огромными кровавыми, с темным ободком кляксами.

От воспоминаний Бетти передернуло. Воровато оглянувшись, она сняла ключ с гвоздя. Потом они неслись по широким ступеням (им даже не пришлось в голову воспользоваться лифтом – слишком уж большой страх внушала дребезжащая кабина), поднимаясь выше и выше.

Проходя по коридору четвертого этажа, Бет невольно замедлила шаг возле президентского номера. Высокая тяжелая дверь, надежно отгородила разные ужасы, что могли скрываться за ней. Старомодная латунная ручка опасно поблескивала, словно приглашая войти. Ну уж нет, больше ни за что на свете – Бетти тряхнула головой, отчего светлые кудряшки разлетелись в стороны.

Следующий номер казался более безопасным – Бет прислушалась к внутренним ощущениям. Нет... вроде бы все в порядке.

Ключ вошел в скважину. Бетти с трудом провернула его, открыла дверь. Они вошли в номер класса «люкс» затаив дыхание. Отель следил за ними, настороженно всматриваясь в темноту. Внизу хлопнула дверь лифта, и кабина, дребезжа и вздыхая, начала движение вверх.

- А теперь слушай внимательно, что мы будем делать – сказала Бетти, затаив дыхание.

Грейди танцевал с холодной красоткой, что до этого сидела у стойки. Он сам пригласил ее, и замирал от волнения, касаясь платья, понимая, что под ним нет ничего, только прекрасное холеное тело.

У стойки, Уллман целовал старую леди. Шуба свалилась на пол, и о боже! – Грейди видел, как пухлая рука Уллмана ласкает сморщенную грудь старухи.

Потом оркестр грянул «Любовное зелье №9» и Грейди пританцовывая, пробился к стойке, где уже заждался заветный бокал виски. Он поднес его ко рту, и замер, услышав бой часов.

(О-хей, парень. Еще есть время доделать делишки, чтобы они не давили мертвым грузом!)

Часы пробили одиннадцать, и в этот миг все пропало.

Грейди сидел на табурете, вслушиваясь в тишину. Бар был пуст с самого начала, но кто знает, быть может, гости притаились там, за высокими дверьми, столпились в столовой «Оверлука», чтобы по знаку распорядителя, хлынуть шумной, многоголосой толпой, вмиг заполнить помещение, и вот уже, посмотри сам, музыканты приготовили инструменты, листают ноты, чтобы грянуть «Время сумерек» или «Одинокие капли слез» а то и вовсе что-нибудь несусветное вроде «Вертись и кричи».

Вот так вот, парень, иногда достаточно капельки виски, и все вокруг завертится бесовским хороводом, вовлекая в порочную круговерть бесшабашного веселья.

Делберт нехотя слез с табурета. Он был один в темном помещении бара.

Тишина казалась живой, наполненной голосами. Нужно было только прислушаться, и они становились отчетливо слышны. Десятки, сотни голосов – они перекрикивали друг друга, пытаясь сообщить нечто важное.

(Эй, Дел, все в твоих руках, не будь размазней!)

Грейди поплелся к выходу, вдыхая запах пыли и виски. От выпитого, к горлу подкатила рвота. Делберт покачнулся, и пьяно хихикнул.

Как бы там ни было, он поимел свое, и спиртное, что лениво перекатывалось в желудке, было тому подтверждением.

(Сто против одного, ты поймал резанный мяч, и теперь судьи чешут затылки, пытаясь объяснить, как такое могло случиться!)

В столовой гулял сквозняк, разнося по грязному полу конфетти. Грейди протопал к дальнему выходу, оставляя следы. Неплохо было бы, навести здесь порядок. Быть может позже, когда он покончит со всеми своими делами.

Грейди осторожно закрыл двери, словно опасаясь, что атмосфера праздника просочится наружу, внося сумятицу, не давая сосредоточиться на главном.

(Вспомнить то, о чем позабыл...)

Уллман неслышно подошел сзади. Он успел сбросить костюм волка, и теперь оказался тем, кем и был на самом деле.

Большой босс. Мистер управляющий.

Делберт обернулся, с трудом сохраняя равновесие.

- Мистер Уллман, сэр... - начальник брезгливо наклонил голову на бок, наблюдая за попытками Грейди устоять на ногах.

- Послушайте, Грейди – казалось, каждое слово вылетало изо рта Уллмана, чтобы, ударившись об стойку отскочить маленьким бойким чертиком. – Вам доверили присматривать за отелем. Назначили смотрителем – это важный пост, который подразумевает некоторую ответственность. Вы согласны?

Делберт А. Грейди был согласен с каждым словом.

- Однако... – скорбно продолжил Уллман, - похоже, мы ошиблись в выборе. Ваш предыдущий сменщик казался куда расторопнее. Мы возлагали большие надежды на вас, Грейди, и не хотелось бы признавать свое поражение.

- Но сэр... - Уллман поднял руку, отсекая возможные возражения.

- Мистер Грейди, руководство отеля и так было достаточно терпеливым ко всем вашим выходкам, но не кажется ли вам (Уллман сделал ударение на последних словах), что вы несколько отошли от дел? Нет, я ничего не хочу сказать плохого лично о вас, (каждое слово толстяка казалось маленьким обвинением в некомпетентности), но... - Уллман нарочно сделал паузу, как бы подчеркивая значимость сказанного. – Но, в настоящий момент сложилась особая ситуация, которая требует прямого вмешательства. Надеюсь, вы понимаете, о чем я толкую?

Грейди не понимал. Он пытался сообразить, чего хочет от него этот настырный сукин сын, но спиртное оболочило мысли белесой плотной пеленой, и голос Уллмана казалось, долетал с другого крыла здания, несмотря на то, что чертов толстяк, стоял прямо перед ним, дышал в пупок, притоптывая на месте от нетерпения.

Делберт сжал кулаки. В голове возникла и тут же пропала мысль, пронесаясь по извилинам огненным метеором.

(А неплохо было бы врезать ему разок, док?)

Может быть.

Грейди покачнулся, и Уллман тут же сменил тактику. Если до этого он пытался донести свое видение дальнейших перспектив, мягким, но вместе с тем уверенным голосом, то теперь, Стюарт-мать-его-так-Уллман, завелся не на шутку. Каждое слово казалось отлитым из олова, да и сам управляющий как будто стал выше ростом, раздался в плечах.

- Эй, приятель! – Кричал Уллман. – Ты думаешь, мы тут в игрушки играем?

Грейди испуганно покачал головой, и сделал шаг назад, отметив, как по лицу управляющего скользнула нехорошая улыбка. Окрик босса вернул его на грешную землю – Делберт всхлипнул, пытаясь собраться.

- Нет, сэр... - почтительно прошептал он, и Уллман сменил гнев на милость.

- Мы давно следим за вами, мистер Грейди. Согласитесь, стать смотрителем ТАКОГО отеля, весьма неплохая карьера, для простого парня с улицы, не так ли?

Делберт покорно кивнул.

- Но не всех устраивает данное положение вещей. И с вашей стороны было бы весьма опрометчивым не обращать на это внимание... – Уллман повернул голову, словно прислушиваясь к чему-то.

И внезапно что-то произошло. словно холодный вихрь пронесся по вестибюлю. Грейди оцепенев, смотрел, как меняется лицо босса. Оно поплыло, словно воск свечи, принимая странные очертания. Глаза Уллмана вылезли из орбит, как будто в его голове взорвалась огромная новогодняя петарда.

Стюарт Уллман испугался!

- Это все они! – Завизжал он. – Эй, Грейди, сукин ты сын!!! Поднимай свой толстый зад – сделай что-нибудь!

Грейди удивленно смотрел на толстяка, что стучал ногами, надувал щеки напрасно сотрясая воздух. Он никогда не считал себя толстокожим увальнем, которому все до одного места, но и маменькиным сыночком тоже не был. Похоже, наступал момент, которого он так долго ждал – время немного поторговаться, если можно так выразиться.

- Мистер Уллман. – вкрадчиво пробормотал Делберт Грейди, смотритель отеля «Оверлук». – Сдается мне, у вас проблемы?

Уллман смотрел на него, опешив от такой наглости. Грейди откровенно наслаждался ситуацией.

- А ты, я смотрю, крепкий орешек – наконец отозвался мистер Уллман. Он ухмыльнулся, заставив зрителя попятиться. От фигуры управляющего повеяло холодом смерти, и Грейди прикусил губу, мысленно отругав себя, что связался с этим страшным человеком.

- Ничего, приятель – одобрительно прошипел Уллман. – Каждый получит то, что заслуживает. Это, если можно так выразиться, политика руководства. Но, Дел (ничего, если я тебя так называю, сынок?) – кое-что может стать преградой нашим стараниям. А еще, парень, взгляни-ка на это:

Музыка гремела так, что дрожал хрусталь на столиках, застеленных бардовыми скатертями. Конфетти было повсюду – в волосах прекрасных дам, за отворотами пиджаков, и даже в бокалах на неправдоподобно высоких ножках. Дорожки серпантина разрезали воздух, опадая волнительными спиралями, оплетая женские фигуры в обтягивающих платьях. И над всем этим великолепием царил божественный аромат виски.

(«Алекс Грейди» - тебе знаком этот вкус, так ведь!)

За огромным столом восседают мужчины в клетчатых костюмах. Широкополые шляпы скрывают лица, но и без того можно предположить, что за покером собрались вполне серьезные люди.

Женщины с блестящими глазами следят за игрой, ведь на кону кое-что серьезнее, чем просто деньги.

Хей, парень, ты можешь быть частью всего этого!

У них в кулаке целый мир, и такие парни как ты, часть этого мира. Ты можешь презирать всех этих олухов, что напялили дорогие одежды, а внутри полны гнили. За глаза ты называешь их дрочилами, понимая, что любой из них не продержится против тебя и минутки, но Дел, посмотри на это с другой стороны – чем ты хуже?

Быть может, стоит начать с самого начала, попробовать прикоснуться к лощеной роскоши, и тогда, возможно, другие неудачники (ничего личного, приятель) будут так же провожать тебя завистливым взглядом, сплевывая коричневым от дешевого жевательного табака, считая, что ты ничем не лучше их самих. Но, мистер смотритель, мы-то знаем, что ты не таков, о нет – счастье не свалилось ниоткуда, просто каждому в жизни выпадает шанс вскарабкаться наверх, но не каждый способен оценить широкий жест судьбы, когда она бросает под ноги пригоршни всех сокровищ мира. Ты не таков, Делберт, и вполне заслуживаешь быть избранным.

Это неплохая должность, раскрой глаза, Грейди, многие были бы готовы отдать душу, чтобы только оказаться на твоём месте, или ты решил перечеркнуть все, чего достиг?

Парень – ты не настолько глуп, не так ли? Так что быть может, стоит попридержать норов, и послушать тех, кто знает, как помочь тебе?

Самое время прислушаться!

Кому нужны жалкие посиделки у стойки в стране неудачников, где за каждой пустой рюмкой следует полная, и нет конца блестящим марсианам, до краев наполненным самым отвратительным пойлом, что только можно представить.

И Грейди, мать твою растак. Каким бы толстокожим сукиным сыном ты не казался, поверь, еще никто не устоял перед магией власти. Ты пока что еще смотритель, но это ведь не предел.

Там, на вершине мира, можно ухватить судьбу за яйца, оцутить себя властителем судеб, вознестись над миром так высоко, как только пожелаешь...

Так стоит ли ограничивать себя самого?

Кто знает, быть может то, что тебе предлагают, стоит потраченных усилий, тем более, требуется суций пустяк: НАВЕСТИ, НАКОНЕЦ, ПОРЯДОК!!!

Только и всего, Делберт А. Грейди – смотритель отеля...

Или нет? Быть может ты просто очередной неудачник, что нашел смысл жизни на дне пустого бокала, в котором когда-то плескались остатки выпивки?

Грейди покачал головой – вовсе нет.

Если кто-то решил сбить его с толку, он пожалеет об этом.

Уллман довольно качал головой, но все равно беспокойный блеск маленьких поросычьих глазок, выдавал крайнюю степень волнения.

- Поспеши, приятель. – Пробормотал толстяк, удаляясь в тень вестибюля, туда, где в дальнем углу столовой, светится неонов вывеска бара.

(Бар «Колорадо» открывает новый сезон охоты!)

Пустой темный вестибюль внезапно озарился светом, и яркая вспышка ослепила зрителя. Он прикрыл глаза, и когда свет померк, убрал руку. Пока глаза вновь привыкали к темноте, Грейди открыл для себя новые способности.

Он, как и раньше смотрел на уходящий вдаль коридор, вот только часть сияния осталась в нем самом, позволяя видеть то, что не видят другие.

Стены словно разошлись в стороны, явив свою потаенную суть. Грейди отчетливо видел электрические провода, проходящие под штукатуркой, трубы отопления, вентиляционные шахты...

Затем в глазах вспыхнули стоваттные свечи, и мир сузился до размеров отеля. Грейди видел каждую комнату, каждый закуток. Вот второй этаж, два десятка номеров, в некоторых из них даже находились постояльцы. Делберт сумел рассмотреть женщину, которая принимала ванну, погрузившись в теплую воду, зачем-то сосредоточенно изучая запястья, (Грейди хмыкнул – у каждого свои причуды, не его дело совать нос, куда не следует), третий видно чуть хуже, четвертый – почти ничего не разобрать, все те же номера, только классом повыше, включая президентский, кладовки, бельевые... а это что такое!?

С того места, где он стоял, трудно было что-то рассмотреть, Делберт прищурился, и увиденного оказалось достаточно!

Бетти сорвала простыню, и смяла ее в неряшливый ком. Роуз стояла рядом, безучастно наблюдая, как сестра засовывает скоманную простыню под кровать, очевидно намереваясь совершить что-то плохое.

Дрянные девчонки стащили спички, и решили устроить пожар. А ведь долг смотрителя не допускать подобных происшествий! Как быть, парень?

Ты же не думаешь, что они затеяли это шутки ради? Решили поиграть в индейцев – так можно объяснить все эти невинные детские шалости, но, Грейди, раскрой глаза пошире – на самом деле, они затеяли плохое!

И кто бы чего не говорил, недостатки воспитания никогда не доводили до добра. Стоит только отвернуться парень, и они обязательно вляпаются в дерьмо. Замажутся по уши, вовлекая и тебя.

Или ты надеешься остаться в стороне? Постоять тихо в сторонке – вот он я, но поверьте, ничего поделатать не могу. Нет, приятель, так не пойдет. Но все не так плохо, как может показаться – нужно просто приложить немного усилий, наставить их на путь истинный, указать кто здесь главный.

Только и всего, Дел. Устройте показательную взбучку. Надрать их очаровательные попки до зеркального блеска, пускай это не смущает тебя, смотритель, иногда девчонки выкидывают фортели похлеце, чем босоногие сорванцы, что просиживают летние дни на заборе. А потом они смотрят, блестя глазенками – ну чистые ангелы, но мы знаем, внутри гниль. И стоит только пустить дело на самотек, как все пойдет прахом.

Держи глаза открытыми, Грейди – эти сучки собрались устроить пожар.

СПАЛИТЬ ОТЕЛЬ!!!

Оставь тебя без работы – им-то невдомек, как тяжело бывает прокормить пару голодных ртов, да и мамашу, что прохлаждается, бог знает где, забросив воспитание дочурок.

Так что, Делберт Грейди, тебе решать, как поступить в этой непростой ситуации.

Оставь все как есть? Позволить им завершить начатое?

- Нет! – Взревел Грейди. Он выпрямился, ощущая, как тело переполняет невиданная сила.

Делберт подбежал к лестнице, окинул взглядом уходящие вверх ступени. У самой лестницы, на красном деревянном щите, приколоченном к стене, покоился огнетушитель – длинный полотняный рукав, свернутый много раз, с огромным лагунным раструбом. Над огнетушителем, в стеклянном ящике, удобно разместился пожарный топорик. На щите виднелась затертая надпись белым: «Разбить в экстренном случае»

Делберт хмыкнул. Случай действительно был экстренным, так что...

Кулак Грейди врезался в стекло. Ящик разлетелся на части, усыпав пол вестибюля острыми осколками. Делберт вырвал топорик из креплений, и замахнулся, пробуя на вес. Рифленая рукоятка не давала топору выскользнуть из ладони.

Он не собирается наделать глупостей, вовсе нет. Ничего такого – просто задаст им взбучку. Наставит на путь истинный, как ни крути, это именно то, что нужно!

Неординарные ситуации требуют особых мер. И ничего страшного, если для этого придется сделать кой-кому больно.

Натурно скрипя, подъехал лифт. Отель шел навстречу, помогая решить проблему. Грейди ухмыльнулся, оскалившись, как давешний волк из сказок. Мистер Уллман наверняка был доволен принятым решением.

Грейди вошел вовнутрь, окинув беспечным взглядом богатую отделку лифта. Одним рывком закрыл внутренние двери, и дернул рычаг. Лифт начал подъем, сетуя и жалуясь на тяжелую жизнь гудением перегруженного мотора, треском и визгом стального троса, что тянул кабину вверх.

Четвертый этаж.

(Дамы выходят первыми...)

Делберт, вырвавшись из лифта, словно просевший на пару дюймов пол, на самом деле был раскаленной чугунной плитой.

Лифт со скрипом выровнялся, провозжая смотрителя.

Грейди брел по коридору, пьяно пошатываясь, но, тем не менее, отмечая каждую мелочь. Он приближался к цели...

Услышав странный шум, Мелоди Грейди подняла голову. В комнате было темно, и только краешек луны, стыдливо заглядывая в окно, освещая постель тусклым светом.

Она проснулась чуть раньше, с трудом обретая память. Некоторое время лежала, закрыв глаза, лениво перебирая воспоминания. Ее дорожка жизни, похожая на лунную рябь на поверхности озера, начиналась в сотне миль отсюда, и обрывалась в темном номере «Оверлука».

Дни и ночи следовали друг за дружкой, и не особо-то различались. Днем она либо возилась на кухне, либо просиживала на диване, раскладывая пасьянс.

Жульничать в «Солитер» стало привычным, отчего вся возня с картами превратилась в довольно глупую затею. Все равно, заняться было больше нечем. Это немного затягивало, и дни, проведенные в отеле, становились похожи на свернутую газету – вроде бы что-то и есть в ровных печатных строчках, вот только взгляд успевает пробежать по жирным заголовкам первой страницы, а что там дальше – одному богу известно.

Мелоди Грейди – когда-то эти слова что-то значили для нее... довольно давно, если так разобраться.

- Мел и Дел – шутили друзья, еще тогда, когда жизнь казалась сущим пустяком, и можно было надеяться что там, впереди весна и лето, и ветер, что бьет в лицо, лишь досадная помеха, не более.

Чуть позже, когда родилась Бет, миссис Грейди ощутила что свежие сумерки лета, сменились осенними дождями слез. И, черт подери, не так то просто удержать вожжи, когда лошади несут напрямик в пропасть, и пускай путь впереди освещен скудным осенним солнцем, если всмотреться – до края гребаной пропасти всего ничего.

Рождение Роуз, только сократило расстояние.

Если разобраться, никто не собирался повторять ошибки, просто... иногда случаются разные случайности, и только. В тот вечер по радио передавали «Шоу писюна Германа» и надо же, именно тогда, когда старина Герман разразился своеобразным смехом, Делберт Грейди сделал выстрел, который оказался отнюдь не холостым.

И еще осенние дожди ушли вслед за летними сумерками, а Мелоди осталось слушать, как воют метели.

Поначалу, эта работа казалась даром божьим, но в последнее время пребывание в стенах «Оверлука» стало тяготить. Дни стали вязкими как кисель, а ночи похожими на теплое ватное одеяло.

Завтрак, обед и ужин. Да еще «Солитер» в промежутках между приемами пищи. Она словно проваливалась в темное ущелье, где не светит солнце, а воздух наполнен ядовитыми испарениями. Хотя возможно всему виной была атмосфера «Оверлука». Отель давил суровостью будней, несмотря на показную роскошь, порой граничащую с вульгарностью. Было в нем что-то плохое, вернее... низкое. Да именно так – низкое, словно отель был брюзжащим похотливым стариком.

А впрочем, все это глупости. Бред собачий.

Нет в этом четырехэтажном здании ничего такого, не считая крыс на чердаке, что разносили пыль своими безобразными хвостами. Ну, может еще пара-другая сотен крысиных гнезд в подвале.

Иногда, правда, отель словно просыпался – Мелоди готова была поклясться, что слышит, как сигналият подъезжающие машины, хлопают двери, пропуская гостей, чтобы те толпились у стойки администратора, ожидая, когда сноровистые посыльные займутся багажом. Но на самом-то деле это был ветер за окнами, забираясь сквозь щели в ставнях, чтобы дотянуться холодными пальцами сквозняков, залезть под одежду, заставляя вздрагивать от неожиданности.

А еще сонная дрема сковала разум, словно тягучий студень – каждое лишнее движение давалось с трудом, и даже думать было лень.

Вечером, уложив девочек, она забралась в постель, ожидая, когда же Делберт соизволит присоединиться. Муж бродил по этажам, проверяя все ли в порядке. Вообще в последнее время он словно прикипел душой к чертовому отелю. Вообразил себя невесть кем. Мистер смотритель, а на самом деле – обычный сторож, которого оставили присматривать за отелем в межсезонье, чтобы старик не слишком уж ветшал, разрушаясь от холодов.

Дел заглянул на минутку, буркнул насчет давления в котле, и отправился в подвал, прикрутить краны. Мелоди сквозь дрему пробормотала что-то невразумительное, и провалилась в теплую лужу сна.

Там, во сне было много чего такого, о чем и не вспомнить, проснувшись в темном номере, стискивая края простыни, и напряженно вслушиваясь в голоса в коридорах отеля.

Такое бывало и раньше – пока Делберт возился с котлом, она выныривала из кошмаров, словно пловец, решивший спуститься особенно глубоко, и испытывающий невероятное облегчение, что глупая задумка не привела к печальному концу, и в этот раз удалось выбраться на поверхность, где свет и воздух. И пускай он пахнет сыростью, но пьянит лучше старого вина.

Сегодняшняя ночь не станет исключением. Хотя... возможно именно сегодня что-то изменится.

Мелоди поняла это только что, услышав пронзительный крик.

(Мама! Мамочка!!!)

Хриплое нераздельное бормотание, неясный шум... снова крик!

Это наверху, решила Мелоди. Сонливость как рукой сняло, она вскочила, вслушиваясь в тревожную тишину.

(Тишину?)

Что за черт?

«Оверлук» был похож на улей полный пчел. С первого этажа доносилась музыка, восторженные крики веселящейся публики.

(Давай, детка – зажги на полную...)

Сон как рукой сняло. Мелоди выскользнула из кровати, направляясь в комнату девочек. То что она увидела там (а точнее не увидела) стало настоящим потрясением.

Девочек не было!

Мелоди бросилась к выключателю. Яркий свет залил комнату, но не смог вернуть на место дочерей. Кровать была пуста, и краешек простыни задрался, обнажив полосатую ткань матраса.

Крик раздался снова – тягучий, воющий и внезапно оборвался. И тот же миг, под потолком разорвалась лампочка, усыпав пол осколками. Комната вновь погрузилась во тьму.

Мел подбежала к двери, чуть приоткрыла – в коридоре было темно, только в самом конце, у лестницы тускло поблескивал латунный наконечник огнетушителя.

- Бетти, Роузи... - осторожно, чуть ли не шепотом позвала она.

Внизу хлопнула дверь лифта, и кабина пришла в движение, дребезжа и тарыхтя. Лифт остановился на втором этаже, словно приглашая Мел войти и совершить небольшое путешествие наверх, а быть может и вниз, как повезет.

Мелоди, стояла у двери, не решаясь покинуть номер, ставший временным пристанищем четы Грейди. Именно сейчас квартира показала самым безопасным местом, и покинуть ее стены, было бы весьма опрометчивым поступком.

- Не так ли, милая? – прогремел голос в голове. Настойчивый, самодовольный... Голос отеля.

«Оверлук» разговаривал с ней, и голос его отливал металлом.

- Побудь-ка здесь, крошка, и это станет единственно правильным поступком в твоей жизни. Забирайся обратно, под теплое одеяло, накройся с головой, и быть может, тебя минет чаша скорби, из которой отопьют все те, кто заслужил наказание.

(Мамочка, ну где же ты?)

Мелоди вздрогнула и прижала руки к груди, пытаясь согреться. В комнате стоял жуткий холод. Если бы она спустилась сейчас в подвал, то обнаружила, что Грейди полностью затушил огонь. На всякий случай.

Нужно было что-то делать. Мелоди вернулась в комнату, подошла к шкафу, выдвинула полку. Ящик оказался заполнен разным барахлом, что так и лезло под руку. Какие-то папки, блокноты...

Ключ нашелся не сразу – некоторое время она рылась в содержимом ящика, пытаясь на ощупь отыскать его. И когда уже совсем отчаялась найти, пальцы зацепились за холодный кусочек металла.

Мел сжала ключ в руках, словно боясь, что он протечет сквозь пальцы, как растаявшая льдинка. Ничего такого не произошло.

Она бросилась к столу, что стоял у окна. Иногда на Дела находило вдохновение, и он мог часами просиживать за столом, перелистывая старые газеты, вытащенные из огромной неряшливой кучи у котла.

Верхний ящик закрывался на ключ. Тот самый, что был у нее в руке.

В отличие от ключа, револьвер сразу нырнул в ее ладонь. Она вытащила его из ящика, словно гремучую змею. Медленно и осторожно.

Когда-то, еще до рождения Бет, муж принес оружие домой, и с тех пор, чета Грейди перевозила револьвер с места на место, как какой-то талисман.

Ей ни разу не доводилось стрелять из него, и по правде говоря, почему-то казалось, что в самый нужный момент, револьвер даст осечку – уж больно он выглядел не настоящим, скорее игрушечным. Дамский вариант.

Мелоди, вышла из номера, набросив на плечи вязаную кофту.

Она не решилась воспользоваться лифтом – похоже, тот давно уже жил самостоятельно, обходясь без чужой помощи. Пока Мелоди поднималась на третий этаж, он успел несколько раз подняться и опуститься.

Третий этаж был пуст, зато этажом выше, в коридоре горел свет. Она вступила на залитые светом ступени и остановилась, увидев мужа.

Делберт Грейди встретил супругу у лестницы. Он стоял, пьяно покачиваясь, с трудом удерживаясь, чтобы не рухнуть на пол. В правой руке он сжимал топорик, лезвие которого было испачкано красным.

Мелоди остановилась, с ужасом рассматривая мужа. Свет обрамлял Грейди, отчего его фигура казалась зловещей и зыбкой, словно существо из кошмаров просочилось в реальность, чтобы нести боль и ужас.

(Сеять смерть, детка, и никто не останется, обделен, уж Делберт Грейди позаботится об этом!)

- Дел? – Мелоди подбиралась к нему, даже не пытаясь собрать воедино мысли, что разбежались в стороны юркими серыми мышками.

(Что там у него в руке?)

Грейди не ответил.

- Где Бег, Роузи? Что происходит, да ответь же!

Он не сводил с нее глаз. Нехорошая улыбка перекосила его лицо.

(Иди сюда детка. Подойди поближе, и получишь ответы на вопросы, хотя вряд ли они придутся по душе тебе, маленькая шлюха!)

Лифт в последний раз дернулся, и остановился. Отель погрузился в тишину.

Мелоди, как зачарованная поднялась на ступеньку. Потом еще на одну. По мере того, как она приближалась к мужу, свет становился ярче, и при желании можно было рассмотреть все до мелочей.

Если откуда-то раньше и доносились отголоски веселья, то сейчас «Оверлук» заснул. И быть может тишина, стала причиной того, что Мелоди сообразила, наконец, что не так в этой ночной истории.

Они одни в этом гребаном отеле!

(Неплохой ход, детка - ты делаешь успехи. Еще немножко, и до тебя дойдет главное...)

ЛЕЗВИЕ ТОПОРА ИСПАЧКАНО КРАСНЫМ!!!

Мелоди прикусила губу, чтобы не закричать. Ей стало дурно. Не соображая, что делает, она выставила руку, сжимающую револьвер, и большим пальцем взвела курок.

Услышав сухой шелчок, Делберт напрягся. Улыбка сошла с его лица, словно туча закрыла скупое октябрьское солнце.

- Ты собираешься выстрелить, детка?

Мелоди с трудом удерживала оружие, отчего дуло револьвера описывало сложные фигуры в воздухе.

(Думаешь, хватит пороху пристрелить собственного мужа, Мел? – Проскрипел Грейди.

(Высадить мозги к чертовой матери. Испачкать шелковые обои, почище, чем в президентском люксе!)

- Где девочки, что ты сделал с ними? – Скорее прошипела, чем спросила она, и Делберт, наконец, соизволил ответить.

- Немного наказал, только и всего. – Голос казался чужим, словно кто-то забрался в его тело, и теперь пытался имитировать интонации мужа. – Задал небольшую взбучку!

(Детка, а ты уверена, что это твой муж? Вернее не так – ты уверена, что перед тобой стоит, покачиваясь, именно тот Делберт Грейди, который слушает «Шоу Германа» и грызет «Беби Рут» стараясь, чтобы не видели девочки?)

- И если ты не против, у меня найдется парочка вопросов и к тебе, дорогуша! – Нарочито слащаво пропел Грейди, и спустился навстречу.

Теперь их раздела пара ступеней. Мелоди зачаровано смотрела, как сильные пальцы мужа сжались на рукоятке топора. Сейчас, крошка, пару секунд, и...

Топор со свистом разрезал воздух, и пронесся перед носом Мелоди, словно маленькая блестящая комета. Делберт качнулся, и его нога подвернулась, соскочив с края ступеньки. Пару секунд он балансировал на краю, пытаясь удержаться, но затем рухнул прямо на нее, расставив руки, словно пытаясь обнять напоследок.

Они скатились вниз, не разжимая объятий, словно парочка влюбленных, и уже на последних ступенях, Мелоди скорее почувствовала, чем услышала треск. Нога мужа, прижатая к полу, не выдержала ее веса, и сломалась, словно пересохшая веточка. Делберт вскрикнул, и выпустил топор.

В последний момент Мелоди здорово приложила головой о холодный каменный пол (ковровая дорожка накрывала только ступени лестницы, но в на площадках между этажами, блестел отполированный ногами посетителей мрамор), она охнула, ощутив как что-то холодное облепило уши, словно две мокрые ладошки. Звуки казалось, пропали вовсе, и, попытавшись отползти, Мелоди, почувствовала, как по щеке потекло что-то теплое. Мазнув рукой, она поняла, что это кровь.

Она закричала, и не услышала крика. Это оказалось неожиданно страшным. Мелоди перевалилась через тело мужа, и вздрогнула, ощутив под руками холодную сталь. Револьвер валялся на полу, с одной стороны рукоятки отбилась кусок пластмассы, но курок по-прежнему был взведен.

Удивительно, что он не выстрелил тогда, когда они катились по ступенькам. Мелоди осторожно подобрала револьвер, ощутила его успокаивающую тяжесть. И тут же вернулись все звуки.

И первым, что она услышала, было тихий звериный скулеж. Делберт Грейди пришел в себя, и теперь пытался приподняться с пола.

Он перевернулся, и отталкивался локтями от пола, приближаясь к Мелоди.

(Ты заслужила трепку, как не крути, так что будь painькой и не пытайся улизнуть, крошка!)

Мел закричала, и ее крик как будто придал ему сил – Грейди оттолкнулся от пола сломанной ногой (тихий стон осел кровавой пеной на его разбитых губах), и одним рывком перенесся вперед, уцепившись в ее руки своими.

Они боролись, задыхаясь от ненависти, и в какой-то момент, он сумел вывернуть ее руку. Мел завизжала, но визг тут же оборвался коротким выстрелом. Она дернулась, и Грейди вновь нажал на курок.

Затем еще.

И еще...

- Остановись, парень... – Мистер Уллман подошел неслышно, и теперь покачивался, заложив большие пальцы рук за пояс.

Грейди поднял голову.

- Они получили свое, мистер Уллман... - прохрипел он, морщась от боли в ноге.

- Несомненно! – Промурлыкал Стюарт Уллман, щурясь как кот. – Вот только...

- Что еще? – Недовольно пробурчал Грейди, наблюдая, как с лица Уллмана пропадает улыбка.

- Руководство отеля не совсем довольны результатами вашей деятельности, мистер Грейди. – Холодно ответил Уллман.

Толстяк возвышался над Грейди, словно подчеркивая значимость произнесенных слов.

Делберт Грейди испугался.

Он заскулил, словно перепуганная такса, что полезла в кусты, надеясь схватить опоссума, но вместо этого столкнулась с волком.

- Но мистер Грейди, сэр – заныл Делберт. – Я делал все как мне приказали!

- Мы внимательно следили за вами – подтвердил Стюарт Уллман. – Но руководство считает, что вам не хватает... деликатности. Слишком топорная работа, уж простите за каламбур...

Уллман помедлил. Он явно наслаждался ситуацией.

(Настырный сукин сын, – в который раз, с яростью подумал Грейди.)

- Вы не справились с возложенными на вас обязанностями Грейди – вновь заулыбался Уллман. – Боюсь, мы вынуждены вызвать сменщика.

И как бы извиняясь, добавил:

- Ничего личного, парень. Политика руководства...

А потом Делберт Грейди, смотритель отеля, засмеялся, пытаясь заполнить священную тишину отеля хриплыми, кашляющими звуками.

Он смеялся до тех пор, пока не заболело в груди.

Уллман все это время стоял рядом, скрестив руки. В его взгляде читалось неодобрение.

- Сукин сын... - наконец прохрипел Грейди.

- Простите? – Не расслышал Уллман.

- Сукин! Сын!!! – пролаял Делберт, задыхаясь от боли.

Он вскинул револьвер, пытаясь поймать в прицел тучную фигуру управляющего.

Уллман покачал головой.

- Поберегите патроны, мистер Грейди, возможно вам придется сменить мишень. И знаете что...

Стюарт Уллман задумался на секунду, и довольно кивнул.

- Возможно, мы и договоримся. Да сэр! – Торжественно вскрикнул толстяк. – На вашем месте, я бы обсудил все вопросы с мистером Дервентом.

Грейди с надеждой вскинул голову.

- Думаю вы найдете его в баре.

Делберт прикрыл глаза, пытаясь привести мысли в порядок.

- Мистер Уллман... - Но в коридоре снова было пусто.

Он попытался приподняться. Что-то хрустнуло ниже колена, и по ноге растекалась огненная лава. Грейди закричал, теряя остатки голоса.

(Больно! Боже, как больно!!!)

Он находился на площадке между четвертым и третьим этажами, и сползти вниз, к вестибюлю в таком состоянии было задачей не из легких. Грейди закусил губу, и оттолкнулся от пола.

Боль начиналась чуть ниже колена, и поднималась вверх волнами, яростными, обжигающими. Делберт глубоко задышал, хоть как-то пытаясь унять ее.

- Веселись, детка... - прошептал он.

Собраться с силами, вытянуть руки вперед, впиться пальцами в холодный мрамор. Вдохнуть полную грудь, готовясь к худшему...

- Черт!!!

(Подними голову и вперед, приятель!)

Боль вывернула наизнанку, превратила тело в кусок дрожащей, потной плоти. Делберт завыл, чувствуя, что еще немного и не сможет дышать.

Он закрыл глаза и пополз вперед, оставляя следы окровавленными ладонями.

Кое-как добрался до края площадки, перевесился, пытаясь рассмотреть дальнейший путь. Ступеньки уходили вниз, и казалось, им нет конца. Лестница стала невероятно длинной, ощерилась сотней непреодолимых преград.

(Ну же, мистер смотритель, покажи им всем!)

Грейди начал спуск. Он ошупывал руками очередную ступеньку, словно пытаясь породниться с ней. Затем одной рукой хватался за грань, и подтягивал тело, стараясь переносить вес на здоровую ногу.

Он полз вниз, что-то нераздельно бормоча под нос. Несмотря на все ухищрения, проклятая нога билась о ступеньки, заставляя вскрикивать. Пару раз Делберт терял сознание, чтобы вновь обнаружить себя распластанным на ковровом покрытии лестницы.

Боль стала привычной, словно сроднилась с ним. Теперь Грейди воспринимал ее как часть собственного существования. Что-то вроде гудения котла в подвале. Она есть и все тут, и ничего с этим не поделаешь, как ни старайся.

Много позже, Грейди выпал в коридор третьего этажа, и замер, не веря глазам.

Коридор был заполнен людьми. Они проходили мимо него, не обращая внимания, словно он был лишь призрачной тенью, что нашла упокоение на затертом бархате ковровой дорожки.

До лифта оказалось рукой подать.

Грейди дополз до дверей, теряя остатки сознания. С трудом подтянулся, пытаясь открыть дверцу. Та со скрежетом подалась. Потом он отдыхал, привыкая к новому для себя ощущению – вроде бы все в порядке, но стоит только чуть двинуться, тысячи зубастых зверьков тут же вгрызутся в плоть, терзая, дробя беспощадными челюстями.

Хуже оказалось с рычагом, включающим механизм лифта. Грейди не мог дотянуться до него – он пытался вскарабкаться по стене, опираясь на уцелевшую ногу, но от этого становилось только хуже.

(Нет, приятель, так не пойдет. Если ты решил схитрить, то тем хуже для тебя. Давай, поднимай свой зад, и тогда мы посмотрим – быть может, старый трудяга и доставит тебя в страну волшебных грез...)

Грейди на всякий случай прикусил губу. Он не представлял каким образом сумеет сделать то, о чем проорал в голове голос Уллмана (голос отеля), но выбора не было. Помедлил немного, пытаясь оттянуть неприятные мгновения.

А потом... потом оттолкнулся от пола, и взвился вверх, сгорая в огненном пламени. Обломки кости терлись друг о дружку, словно пытаясь встать на место, и Грейди отчетливо ощущал, как вздрогнул и прогнулся мир, пытаясь удержать его душу.

Он ухватился за рычаг, и всем своим весом налег на неподатливую железяку. Лифт дернулся и нехотя начал спуск. По мере того, как Грейди приближался к первому этажу, музыка снизу становилась все громче.

(Ваш выход, господин смотритель!)

Грейди вывалился из лифта, и пополз дальше, оглушенный всеобщей суетой.

За стойкой администратор записывал постояльцев, время от времени, покрикивая на нерасторопных посыльных. От стойки протянулась целая очередь. И все они сгорали от нетерпения окунуться в волшебство, что обещала последняя ночь уходящего года.

Их было много здесь. Разных возрастов женщины в платьях, что лишь прикрывали волнующие прелести, умудренные опытом и совсем молоденькие, развязные и скромницы, мужчины, в длинных плащах до пят, с оттопыренными карманами, и холодными взглядами, но всех их объединяло одно – было в них что-то... низкое.

Низкие люди наводнили «Оверлук», и тот был рад каждому из них, словно заблудшие дети возвращались в его лоно, принося с собой капельку этой самой низости...

Сейчас Грейди было абсолютно наплевать на все условности. Он полз, лавируя между оголенными ножками распутных прелестниц, даже не пытаясь бросить взгляд вверх, туда, где за краями шелковых чулок начинались ажурные подвязки, огибал чемоданы, приближаясь к цели.

Туда, где в дальнем конце столовой призывно светит вывеска бара, и там, за дверями, так похожими на крылья летучей мыши, тепло и уютно, и можно пропустить стаканчик-другой виски, крикнуть, ставя на стойку пустой бокал, и пока бармен наливает следующий, бросить на развеселую публику скучающий, ленивый взгляд.

Грейди вполз в бар «Колорадо», сгорая от желания объяснить все мистеру Дервенту, НАСТОЯЩЕМУ хозяину отеля. Он без сомнения выслушает его, в отличие от ублюдка Уллмана, который только и думает о том, как бы прикрыть свой жирный зад.

У него найдется парочка аргументов, которые наверняка заинтересуют руководство отеля. Грейди не хотелось даже думать о том, что все его старания могут оказаться напрасны. Он сделал точь-в-точь, как ему было велено, а если и внес чуточку разнообразия, добавил так сказать от себя – то все для пользы дела.

Мистер Дервент поймет...

Делберт добрался до двери, и замер, обдумывая следующий ход. Даже если он и заползет в бар, большим сытным червячком, вряд ли кому-то будет дело до жалкого пропойцы, что ворочается на полу, пытаясь обратить на себя внимание.

(Нет, малыш, и ты знаешь, каким будет ответ!)

Грейди застонал.

Сначала он встал на колени, затем одним невероятным толчком послал вверх ставшее вдруг невесомым тело.

Так он и стоял, покачиваясь, пытаясь удержать рвущийся из груди стон.

В баре былолюдно.

Грейди вошел, ковыляя, словно оживший мертвец. Впрочем, кое-что в нем и в самом деле умерло. Еще тогда, когда он полз по бесконечной лестнице, проклиная каждую ступеньку, что оставляла неизгладимый след в душе.

Кабинки были заполнены орущей публикой. Запах виски вновь окутал сгорбленную фигуру Грейди, словно приглашая присоединиться к незабываемой атмосфере.

(Давай малыш – самое время немного поправить здоровье!)

Грейди обвел взглядом кабинки. Как и раньше – ни одного свободного места. На эстраде бесновался оркестр, пытаясь наполнить орущим джазом каждый кубический дюйм помещения.

Хорас Дервент расположился в самой последней кабинке. Он восседал за столом, и две полуобнаженные девицы жались к нему с обеих сторон. Напротив разместилась самая развязная публика, какую только приходилось встречать Грейди.

Делберт добрался до кабинки мистера Дервента, и замер чуть в стороне, ожидая, когда же на него обратят внимание. Он стоял, сжимая в руке револьвер. Все время, пока Грейди добирался сюда, оружие было у него в руках – Делберту даже не пришлось в голову бросить его.

Ночь вступила в свои права, и казалось утро, никогда не наступит в этом баре, и веселью не будет конца, но как бы то ни было, Грейди сумел добраться до места встречи, возможно руководство оценит его настойчивость.

Мистер Дервент хлопнул в ладоши, и музыка стихла. Грейди оказался в окружении ухмыляющихся лиц, что образовали полукруг пестрых одежд и разноцветных масок. Ледяное презрение сочилось сквозь отверстия для глаз, и блеск холодных губ свидетельствовал лишь об одном: ему не очень-то были рады на этом празднике. Возможно он лишний здесь, несмотря на все заслуги?

- Ну, ну... - Хорас Дервент успокаивающе развел руками. – Подойдите пожалуйста, мистер, э...

Возникший ниоткуда долговязый верзила в огромных очках и застиранном вязаном свитере что-то шепнул ему на ухо.

- Делберт Грейди – исправился самый главный босс.

Грейди не отводил взгляда от свитера верзилы. На серой шерсти красовались кровавое «Умник».

Мистер Умник и...

(И кто, малыш?)

Хорас Дервент нетерпеливо шелкнул пальцами, и очнувшийся Грейди сделал шаг вперед. В ноге хрустнуло, и Делберт поморщился, ощутив знакомый зуд – сотня огненных муравьев пробежала от колена к бедру, поднимаясь выше.

С противоположной стороны от мистера Дервента устроился тучный брюнет, с сигарой в зубах. На черном фраке красовалось затейливое «Ловкач»

С лица бронега не сходила кислая улыбка. Он рассматривал зрителя, словно примеряясь как ловчее обвести вокруг пальца доверчивого простофилю, коим без сомнения в его глазах являлся Грейди.

- А ну-ка... - Мистер Дервент протянул руку, и Делберт безропотно отдал оружие.

Хорас Дервент улыбнулся. Он, не глядя, протянул револьвер Ловкачу, и тот ловко крутанул барабан, затем зачем-то дунул в ствол, и вернул оружие боссу.

- Что же нам делать с вами? – Задумчиво протянул мистер Дервент. Его холеная рука небрежно поигрывала револьвером.

Грейди сглотнул. По правде, говоря, он и сам не знал, как быть дальше. Он послушался Уллмана, черти бы его подрали, и теперь ощущал себя полным дураком.

- С одной стороны, мы не могли не оценить вашу лояльность, Грейди. С некоторых пор, вы всецело отделились нашему общему делу, и надо признать достигли на этом поприще некоторых успехов.

Делберт смущенно покраснел.

- С другой стороны – продолжал Хорас Дервент – нельзя не обращать внимания на некоторые, так сказать мелочи, которые характеризуют вас, как зрителя отеля, не очень хорошо...

Грейди крался по коридору, сжимая топор. За дверью номера, соседнего с президентским царил тишина, но Делберт знал, они там. Две маленьких проказницы, проучить которых – святое дело.

Он толкнул дверь – запрето. У негодниц хватило ума запретить за собой дверь. Ну что же, тем хуже для них!

Топор врезался в дерево, выбивая щепки. Делберт врубался в дверь, стараясь поскорее убрать с пути досадную преграду...

Потом он ворвался в номер, с топором наперевес, горя одним желанием – (убивать!) проучить как следует, наказать, всыпать перца, да так, чтобы до их маленьких головок дошло наконец самое главное – никто (никто слышите!) не встанет у него на пути!

И замер, напоровшись на два пронзительных взгляда...

- Возможно, нам следует вызвать сменщика, который сумеет удержать ситуацию в руках? – задумчиво процедил мистер Дервент. – Не каждому по плечу справиться с такой ответственной должностью, не так ли?

Грейди задохнулся от ужаса. Они не посмеют...

- Я уже навел кое-какие справки, и должен вам сообщить, на рассмотрении есть один весьма перспективный претендент на ваше место, и будьте уверены – он готов в самое ближайшее время, приступить к выполнению обязанностей. Хотя...

Хорас Дервент, не спеша, отпил из бокала, стоящего перед ним.

- Хотя некоторые ваши решения, заслуживают самого пристального внимания.

Бетти протянула руки, пытаясь остановить Грейди.

- Пожалуйста, папочка...

Делберт некоторое время недоуменно рассматривал внутреннее убранство номера. Окно, занавешенное плотными шторами, огромная кровать, украшенная резьбой, и выглядывающий из-под нее уголок простыни.

(Они решили подшутить над тобой, Грейди. Подожечь отель, чтобы посмотреть, как ты будешь метаться, пытаясь загасить бушующее пламя. Не самая удачная шутка, как, по-твоему?)

Шутка и в самом деле оказалась неудачной. Грейди сжал зубы, чувствуя, как ярость начала выплескиваться из него, сжигая душу. Он шагнул вперед, занеся топор для удара...

- Весьма смелое решение, позвольте заметить, Делберт, но вот у мистера Умника, возникли определенные сомнения в вашей лояльности.

Верзила в затасканном свитере поспешно кивнул, соглашаясь со словами хозяина.

- Я думаю самое время, провести небольшое испытание. Тест на лояльность, если позволите так выразиться.

Мистер Дервент протянул револьвер. Делберт Грейди, взял оружие, не осознавая, что делает. Он возвышался над боссом, но сейчас ему даже в голову не пришло поймать Хораса Дервента на мушку.

(Даже не думай, приятель. Толпа мигом разорвет тебя на клочки – и пикнуть не успеешь!)

- Ну же, смелее... - подбадривал босс, чуть слышно хлопая в ладоши. – Дамы и господа! – громко провозгласил он – Поможем зрителю!

Шквал аплодисментов оглушил Грейди. Он сжимал револьвер, не решаясь спустить курок.

Публика вокруг бесновалась. Удачно брошенный моточек серпантина попал Делберту за шиворот. Он вздрогнул, чувствуя, как наполняется противным липким страхом.

Он медленно, против воли, открыл рот, и поднес оружие к пересохшим от волнения губам.

На вкус, дуло револьвера отдавало смертью. Стоит только нажать на курок и...

- Грейди, Грейди... - орали гости, разбрасывая конфетти. За стойкой бармен наполнил доверху бокал – Делберт отчетливо ощутил запах виски.

- Не бойтесь, Грейди. – Шепнул неизвестно откуда возникший Уллман. – Мистер Ловкач вытащил патроны из барабана. Это проверка на доверие. Если боитесь, можете закрыть глаза.

Грейди послушно закрыл глаза и нажал на курок...

1971 год

- Мне доложили о вашем приходе, и я собираюсь как можно скорее ввести вас в курс дела. – Холодно произнес Уллман, не сводя пронзительного взгляда.

Джек Торранс подумал: «Настырный сукин сын»...